

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Майоров А. П. Скорописные копии сибирских документов XVII века : палеографическое описание / А. П. Майоров, Ю. В. Биктимирова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 72—93. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-72-93.

Mayorov, A. P., Biktimirova, Yu. V. (2025). Cursive Copies of Siberian Documents from 17th Century: A Paleographic Description. *Nauchnyi dialog*, 14 (2): 72-93. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-72-93. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Скорописные копии сибирских документов XVII века: палеографическое описание

Майоров Александр Петрович¹

orcid.org/0000-0001-9453-8212

доктор филологических наук,

профессор

map1955@mail.ru

Биктимирова Юлия Викторовна²

orcid.org/0000-0002-2043-9665

кандидат филологических наук, доцент,

кафедра русского языка

как иностранного,

кафедра русского языка и методики

его преподавания,

корреспондирующий автор

pravo_chita@mail.ru

¹ Институт русского языка

им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

² Забайкальский

государственный университет

(Россия, Чита)

Cursive Copies of Siberian Documents from 17th Century: A Paleographic Description

Alexander P. Mayorov¹

orcid.org/0000-0001-9453-8212

Doctor of Philology, Professor

map1955@mail.ru

Yulia V. Biktimirova²

orcid.org/0000-0002-2043-9665

PhD in Philology, Associate Professor,

Department of Russian

as a Foreign Language,

Department of Russian Language

and Teaching Methodology,

corresponding author

pravo_chita@mail.ru

¹ V. V. Vinogradov Russian Language

Institute of RAS

(Moscow, Russia)

² Transbaikal State University

(Russia, Chita)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена палеографическому описанию сибирских документов XVII века, которые существуют только в копиях, переписанных с оригиналов XVII века во время Второй Камчатской экспедиции в 1733—1743 годах. Уточняется, что копии текстов были составлены по графическим правилам русской скорописи XVIII века. Отмечено, что служебные слова со знаменательными пишутся слитно, в остальных случаях между языковыми единицами оставляются пробелы. Сообщается, что буквенный способ датировки заменяется цифровым. Выявлено, что элементы почерка обоих писцов схожи с чертами киевской скорописи, получившей в России XVIII века дальнейшее развитие. Установлено, что употребление выносных букв в обеих копиях сокращено значительно. Показано, что активно используется комплекс разнообразных надстрочных знаков небуквенного характера. Отмечается, что они, как правило, располагаются над согласными буквами, которые в деловом письме XVI—XVII веков подлежали выносу над строкой. Доказано, что переписчики точно передают вариативные написания, отражающие произносительные особенности писцов XVII века, воспроизводят их ошибки. Подчеркивается, что в то же время прослеживается запись отдельных словоформ, вызывающая сомнение в их адекватном воспроизведении и напоминающая, что любая рукописная копия не свободна от ошибок.

Ключевые слова:

сибирские документы; копия; скоропись XVIII века; графические правила; приказный узус; палеография.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article is dedicated to the paleographic description of Siberian documents from the 17th century that exist only in copies transcribed from original texts during the Second Kamchatka Expedition (1733–1743). It clarifies that the textual copies were created according to the graphic conventions of Russian cursive writing from the 18th century. The study highlights that function words are written as a single unit, while spaces are maintained between other linguistic units. It is reported that the letter-based dating method has been replaced by a numerical one. The analysis reveals that the handwriting features of both scribes bear resemblance to the characteristics of Kyiv cursive, which further developed in 18th-century Russia. It is established that the use of extended letters in both copies has been significantly reduced. The findings demonstrate a diverse array of non-alphabetic diacritical marks actively employed, typically positioned above consonants that were subject to extension in business correspondence of the 16th and 17th centuries. It is proven that the scribes accurately convey variant spellings reflecting the phonetic nuances of 17th-century writers, reproducing their errors. However, it is emphasized that certain word forms recorded raise doubts about their accurate reproduction, reminding us that any manuscript copy is not free from mistakes.

Key words:

Siberian documents; copies; 18th-century cursive; graphic conventions; administrative usage; paleography.

УДК 811.161.1'35(571.5)“16”+801.7:930.27

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-72-93

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

5.9.3. Теория литературы

Скорописные копии сибирских документов XVII века: палеографическое описание

© Майоров А. П., Биктимирова Ю. В., 2025

1. Введение = Introduction

В неисчислимом собрании памятников деловой письменности, хранящихся в центральных и местных российских архивах, особое внимание привлекают документы XVII века, составленные на территории Сибири и Дальнего Востока. Их отличительными чертами являются не только своеобразный лингвистический контент, но и сама история их создания в определенных географических и социокультурных условиях на большом расстоянии от центра государства, что необходимо учитывать исследователям при анализе языковых фактов сибирских деловых бумаг XVII века.

На сегодняшний день в исторической русистике востребованной представляется внешняя критика данных лингвистических источников, которая устанавливает тот факт, что огромное количество подобных документов предстают перед глазами исследователей только в виде копий их оригиналов. Речь идет о корпусе региональных деловых текстов XVII века, которые были собраны историографом Г. Ф. Миллером во время Второй Камчатской экспедиции в 1733—1743 годах и с которых были сделаны копии, в основном сосредоточенные в Санкт-Петербургском филиале архива (далее — СПбФ АРАН). Списки сибирских документов представлены в описи 4, фонд 21.

Историки единодушны в признании главного достижения научно-исследовательской деятельности Миллера в Сибири — сбора и копирования документов из местных сибирских архивов [Бахрушин, 1999, с. 33—34; Нечаева, 2003, с. 134; Элерт, 2012, с. 45—46, 47]. Сам ученый именно на этом этапе пришел к осознанию исключительного значения документальных источников для исторической науки. За годы работы в Сибири у него выработались научные методы и приемы работы над источником, а своеобразной лабораторией, в которой сложилась его научная методология,

стали сибирские архивы [Бахрушин, 1999, с. 28]. В описании процедуры работы Миллера с местными документами для историков языка открываются важные лингвоисточниковедческие сведения: копии изготавливались на местах, писцами местных архивов. Вот свидетельство самого ученого: «Первоначально моя работа состояла в том, чтоб старинные столбцы и книги расположить по годам, потом просматривать один за другими и отмечать, **что следовало из них для меня выписывать...** (выделено нами. — А. М., Ю. Б.) Мне только надо было ставить знаки на полях, а в переписчиках, которые мне давались (из местных канцелярий)... не было недостатка, и я мог быть уверенным, что все, мною отмеченное, будет списано» [Цит. по: Бахрушин, 1999, с. 34]. Если подлинники оставались в региональных архивах, то их судьба была, по всей вероятности, печальной: они считаются безвозвратно пропавшими [Бахрушин 1999, с. 34; Нечаева, 2003, с. 134], и это, похоже, напрямую касается исследуемых нами деловых текстов. Качество и, соответственно, значение для источниковедения копий, сделанных провинциальными писцами по распоряжению Миллера, оценивается учеными по-разному. Так, с одной стороны, указывается на крайнюю небрежность копирования и грубые ошибки в тех документах, которые были переписаны под наблюдением Миллера в Сибири [Оглоблин, 1889; Андреев, 1965, с. 157—159], с другой стороны, ценность этих источников не подвергается сомнению [Бахрушин, 1999, с. 34]. Таким образом, **актуальность** исследования копий сибирских документов XVII века как лингвистических источников в свете всего вышеизложенного резко возрастает.

Авторы статьи, посвятившие изучению региональных скорописных памятников не один десяток лет, считают, что такое исследование актуально и в свете дальнейшего решения проблемы публикации подобных письменных памятников с учетом последних достижений современных технологий: «В современном языкознании остро стоит вопрос о машинной обработке большого корпуса документов, написанных скорописью. Идентичная передача в печатном издании региональных деловых текстов XVII в. не только обеспечила бы широкий доступ к адекватно воспроизведенным копиям рукописных памятников, хранящихся в архивах, но и открыла бы новые аспекты лингвистических исследований в этой области исторической русистики» [Биктимирова, 2024, с. 15]. Особую сложность в графической интерпретации представляют слова-гапаксы: «Нередко данные слова подозреваются в том, что они не что иное, как слова-фантомы («слова-призраки») или псевдогапаксы в терминологии А. Б. Страхова — результат их ошибочного прочтения исследователем либо их ошибочного написания писцом» [Майоров, 2021, с. 35].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования — установить, насколько точно переписчики XVIII века воспроизводят в копиях подлинные тексты XVII века с их лингвистическими и графико-орфографическими особенностями, какими графическими правилами руководствуются писцы при копировании текста, какие они допускают ошибки или вносят исправления и как эти искажения текста могут характеризовать их представления о языковых нормах. Авторы применяют **метод палеографического анализа** копий памятников деловой письменности данного периода. Частично использовался **метод сравнения** языковых фактов документов-копий и оригинальных скорописных памятников регионального делопроизводства. Были отобраны две копии документов из ф. 21 СПбФ АРАН, оп. 4: Челобитная Ондрюшки Барнешева 1667 года и Допросные речи селенгинских служилых людей 1679 года.

Исследование выполнено в контексте лингвистического источниковедения. Основатель лингвоисторикологии С. И. Котков регламентировал лингвистические подходы к изучению исторических источников. Вот как видел ученый объект исследования: «Лингвистический источник представляет собой единицу непосредственного (инструментально-физического) или опосредованного (графического) запечатления языка или его элементов, объем, содержание и характер которой определяется, с одной стороны, возможностями и потребностями общения, с другой — строем запечатленного» [Котков, 1980, с. 9].

Печатное воспроизведение представленных ниже документов осуществляется преимущественно по правилам, разработанным в Секторе лингвистического источниковедения и истории русского языка Института русского языка АН СССР, но в отдельных случаях с применением специальных графических символов, чтобы максимально близко передать особенности письма писцов копий сибирских документов.

Для удобства последующего анализа документам присвоены номера в круглых скобках — (1) челобитная (рис. 1), (2) допросные речи (рис. 2).

- (1) Челобитная Ондрюшки Барнешева о пожаловании его за «иноземский призыв», за прибыль ясачного соболиного сбора и за строительство новых иркутского и ангарского острогов

1667 г.

№ 225 ²

| л. 249 | Црю гѣдрю ј великомѣ князю Алѣѣю Миха'ловичу в'сеа | Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцѣ | бьет чело^м холопѣ тво' енисѣ'ско' сынобаярско' | Он'дрюшка Барнешевъ в'прошломъ великий

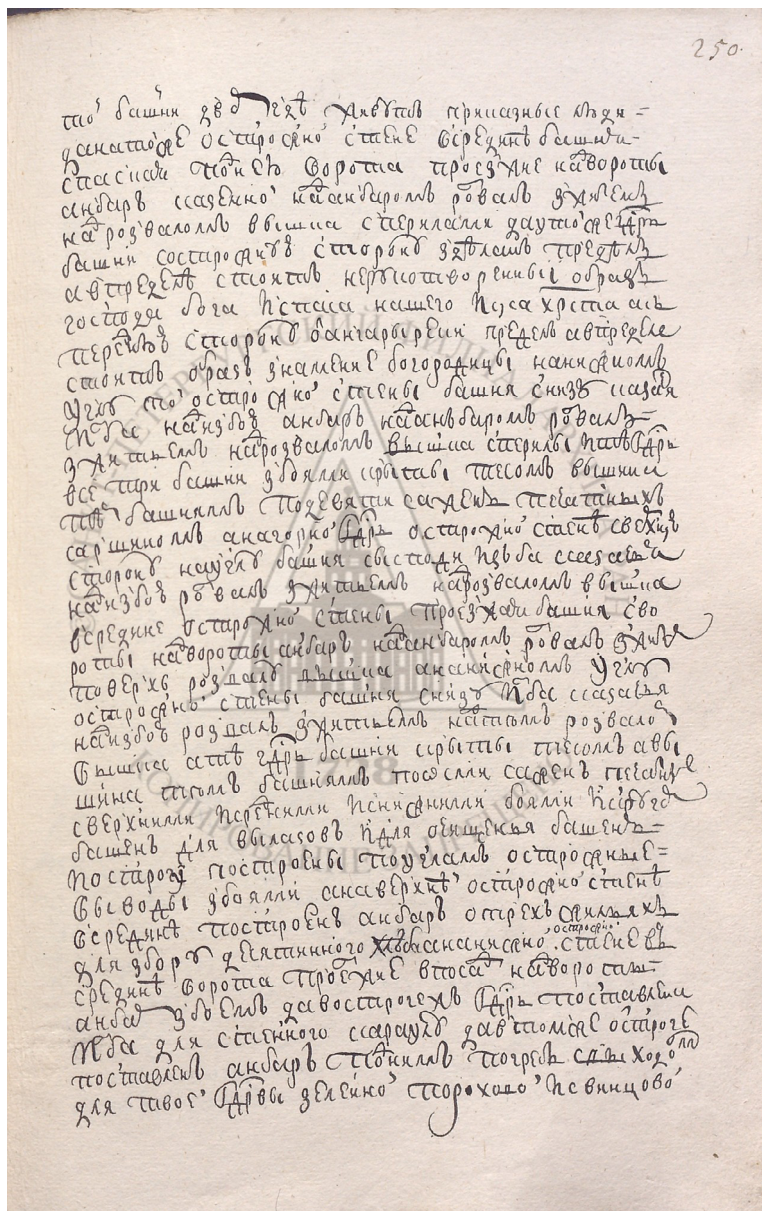

Рис. 1. Челобитная Ондрюшки Барнешева
[СПбФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 23, л. 249—251]

гѣдръ | во 174^м го^{лѣ} по твоѣмѹ великого гѣдрѹ указѹ и по | грамоте велено
мнѣ холопу твоему быть на твоѣ | великого гѣдрѹ с'лѣжѣ на Ба'кале в
Ба'гузинскомѣ | ост'роге у ясачного соболиного з'борѹ и бѣдѣчи **а** хо-
лопѣ | твое на то' твоѣ великого гѣдрѹ с'лѣжѣ с'лѣжилъ | тебѣ великомѹ
гѣдрю чистосердечемъ своимъ какъ | богѹ ꙗ во в'семъ радѣль и прибыль
чинилъ а прибыль | тебѣ великомѹ гѣдрю въ ясачномъ зборе учинилъ
| немалѹю и божиею милос'тїю и твоимъ гѣдрскимъ < л.249 об. > счаст-
емъ **а** холопѣ твоѣ вновь по^{лѣ} твою великого | гѣдрѹ цар'с'кого величества
высокѹю рѣкѹ в вѣч'ное | холоп'ство въ ясачно' платежѣ и з' за камени
иноземцовъ неясачны^х люде' призвалъ четырѣцѣт' | члѣвкѣ з' женами и з'
дет'ми' и по и^х бѣсѣдѣ ман'ска^х вере | к шерте привелъ и ясакѣ с' нихъ взя^н и
тѣ иноземцы | моево холопа твоего п'ризывѹ и донинѣ тебѣ велико^{му}
| гѣдрю ясакѣ с' себя и с' ро^дниковъ свои^х платять с' по^{лѣ}на | бѣсперевоз^н-
но да и в'пре^{дѣ} тебѣ великомѹ гѣдрю та п'рибы^н п'роч'на бѣдетъ и сто-
ятел'на да я^х холопѣ | твоѣ на Ба'кале^х по Вер'хнѣ Ан'гаре реке в'новѣ
| пос'тавилъ Ан'гар'с'ко' ост'рогѣ д'ля твоегѹ = | гѣдрѹ **а**сач'ного со-
болиного з'борѹ да в прош'ломѣ | гѣдрѣ во 178^м го^{лѣ} по твоѣмѹ великого
гѣдрѹ ука^{зѹ} | послалъ меня холопа твоего и Енисѣ'ска сто^лникъ | ꙗ во-
вода Кирило Аристарховичъ Яковлевъ = | в Ыр'кѣцко' ост'рогѣ д'ля
твоего гѣдрѹ ясачного^х | соболиного з'борѹ и поселенья пашенны^х
крест'янь да мнѣ жѣ холопѹ твоемѹ велено в Ыр'кѣцко^м | ново'
ост'рогѣ поставить д'ля **а**бѣрежи о^т немир'ны^х мѣгалски^х люде' раз'ныхъ
земель и в прош'ломѣ гѣдрѣ во 179^м го^{лѣ} сен'тяб'ря въ 1^е **а** холопѣ | твоѣ
с'лѣжилыми лю^дми с' п' риз'дѣ своего и с' па'шенными кр'ест'яны за
помощїю божиею в Ыр'кѣцко^м на мѣга'ско' границе воз'ле Ан'гары |
пониже устья Ир'кѣта реки' внизѣ по Ан'гаре = | на п'раво' с'торонѣ
ново' Иркутко' ост'рогѣ | поставилъ мѣброу того острогу д'линникѹ |
и поперешнику по пятидесяти сажень печат'ны^х | в с'тене ꙗ всего гѣдрѣ
мѣброу Иркутко' ост'рогѣ в с'тена^х | кромѣ башенъ двѣсти сажень печ-
ат'ны^х а ост'рожины пос'тавлены д'линою по три сажени печат'ны^х
с ар'шиномъ да о^т Ан'гары | реки на пере'не' острожно' с'тене свѣрѹхъ
на углѣ башня о трехъ жи'яхъ низѣ ан'барѣ | на^н анбаромъ гор'ница
на^н гор'ницею роз'валѣ | з' жи'емъ на^н роз'валомъ выш'ка с' перилами и
полѣ^{тѣ} = < л.250 > то' баш'ни д'во^р г'дѣ живѹтъ п'риказные люди = | да
на то' же ост'рожно' с'тене в' срединѣ башня | спас'кая по^{лѣ} нею ворота
проез'жие на^н ворота | ан'барѣ казенно' на^н ан'баромъ роз'валѣ з' жи'емъ |
на^н роз'валомъ вышка с' перилами да у то' же гѣдрѣ | башни с' острожно^ю
с'торонѣ з'дѣланъ предѣлѣ | а в' предѣлѣ стоитъ нерѣкотворенный образъ
| гос'пода бога и' спаса нашего Иисуса Хрѣста а съ | перечною с'торонѣ о^т
Ан'гары реки предѣль а в' предѣле | стоитъ о'бразъ з'наменіе богородицы

на нижномъ | углѣ то' острож'но' с'тены башня с'низѣ каза'я | иѣба на^д
из'бою анбаръ на^д ан'баромъ ро'зваль = | з житѣмъ на^д роз'валомъ выш'ка
с' перилы и тѣмъ гѣдръ | все три башни з' боями кр'ыты тесомъ вышиная
| тѣмъ башнямъ по девяти сажень печат'ныхъ | с ар'шиномъ а на горно'
гѣдръ острож'но' стенѣ с вер'х'ную | сторонѣ на у'глѣ баш'ня сысподи
иѣба каза'чья | на^д из'бою ро'зваль з житѣмъ на^д роз'валомъ выш'ка |
в' середине острож'но' с'тены п'роез'жая баш'ня с' во|роты на^д ворота
ан'баръ на^д ан'баромъ ро'зваль з жи'е^м | повер'хъ роз'валѣ выш'ка а на
ни ж'номъ углѣ | ос'трож'но' стены баш'ня снизѣ иѣба каза'чья | на^д
избою роз'валь з' житѣмъ на^д тѣмъ ро'з'валомъ | вышка а тѣмъ гѣдръ баш'ни
кр'ыты тесомъ а выш'и на тѣмъ баш'нямъ по ѡсеми сажень печат'ны^х
| с' вер'х'ними и сре'дними и с' ни'жними боям'и ѿ к'рѣго^м | башень
д'ля выласовъ ѿ д'ля очищенья башень = | и ост'рогу пос'троены по
уг'ламъ острожные = | выводы з' боями а на вер'хнѣ' ост'рож'но' с'тенѣ |
в' срединѣ пост'роены ан'баръ о тр'ехъ жильяхъ | д'ля зборѣ десятиин'ого
хлѣба на ниж'но' ост'рож'но' стѣне въ | срединѣ ворота про'ѣзжие в
поса^д на^д ворота = | анбаръ з' боемъ да в остроге жѣ гѣдръ пос'тавлена |
иѣба д'ля с'тен'ного караулѣ да в' том' же ос'т'роге | пос'тавленъ анбаръ
по^д нимъ погребѣ с' выходомъ | д'ля твое' гѣдрвы зелеино' порохово' и свин-
цово' <л. 250 об.> каз'ны а коло того ос'трогѣ постав'лены надолобы |
мѣроу четыреста сажень печатныхъ ѿ по твоемѣ | великого гѣдрѣ укасу ѿ
холопѣ тво' слѣжилыми | лю'ми' и с пашенными крес'тьяны тотъ ново^и |
Ир'куцко' ос'т'рогъ по ро'звыт'ке ставилъ д'немъ | и ночью наскоре пото-
мѣ ч'то слыша приходѣ | неприятелѣ и^х мѣгал'с'ки^х 4 воин'с'ки^х люде'
шлѣ | на Ир'куцко' и на Бр'ацко' и на Вер'холен'ско' ос'т'роги | семь
та'ше^и с' во'скимъ д'ватцатью тысячь = | и то во'с'кое были на ир'куцки^х
степяхъ и божию | милос'тию и т'воимъ гѣдрскимъ счастиемъ с'лыша
| ост'рож'нѣю пос'тавку тѣмъ мѣн'галс'кие люди с' ыр'куцки^х с'тепѣ'
отош'ли назадь а п'режне' гѣдръ | Ир'куцко' ост'рогъ в пос'тавке былъ
мѣроу в' д'линѣ | девять сажень печатныхъ поперегъ восемь | сажень и то^т
ост'рогъ пог'нилъ и розвали^ися | вра'ня а у нѣж'ного гѣдръ времени слѣ-
жилыми и я|сачнымъ людемъ и пашеннымъ крестьяномъ | з женами и 3
детми в' мѣститца было нег'дѣ | да я жѣ холопѣ тво' в Ъркѣц'комъ уез'де
вве'хъ | по Кѣдѣ реке новоприсыл'ны^х люде^и и пашен'ны^х | крес'тьянъ
поселилъ с'лободоу д'ля твое' гѣдрвы де|сятинно' пашни и с'тава гѣдръ
тотъ ново' Ир'куц'ко' ос'т'рогъ с'лѣжилые люди и бѣломѣс'ные ка|закѣ и
пашен'ные к'рестьянѣ об'до'жали велики^и | неис'кѣп'ными до'ги и я хо-
лопѣ т'во' видя ихъ | с'кѣдо'сть убогоу с'воему с'сѣдоу х'лѣбомъ на семе-
на | и всякимъ товар'нымъ жите'с'кимъ и пашен'нымъ | заводомъ ссѣжалъ
и с'та'чиш'ка свои в' то' осьт'рож'но' пос'тавке и в' сѣде 5 издер'жалъ

да томѸ^ж | гѣдрѸ новомѸ ИрѸцѸкомѸ острогу написавъ подлин'но' |
тер'тежѸ **па** холопѸ тво' въ ЕнисѸ'скомѸ ос'т'роге | въ съез'же⁶ и³бѸ сто^л-
никѸ j воеводе Кирилу Арис'та^р|ховичю Яков'левѸ с сею челобитною по-
да^л ч'то^б | из ЕнисѸ'ского ос'т'рогѸ тотѸ иркуцко' че^ртежѸ | д'ля вѸдома
пос'лать к тебѸ великому гѣдру кѸ | Мос'к'вѸ милосер'д'ный гѣдрѸ царѸ
j великий кнѸзѸ | АлеѸѸи Миха'ловичѸ всеа Великия и Малыя и БѸлыя
< л. 251 > РосиѸ самодер'жецѸ пожалѸ' меня холопа с'воего за | мою убо-
гѸю слѸж'би^шко за инозем'с'ко' п'ризывѸ и **са** прибы^л | ба'калов'с'кого
пасач'ного соболиного з'борѸ новоп'рисы^нны^х | **п**асачны^х люде' и за
острожной иркѸцкѸю и ангар'с'кѸю | пос'тавкѸ какѸ тебѸ великомѸ
гѣдру гѣдѸ богѸ и^зъвѸ^т|с'тѸть царѸ гѣдрѸ смилѸ'ся ;||

² Другим почерком и более бледными чернилами.

³⁻³ Вписано над строкой.

⁴ Так в тексте! — Ср. ниже мунгалские.

⁵ Так в тексте! — в ссуде?

⁶ Так в тексте!

[СПбФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 23, л. 249—251].

(2) Допросные речи селенгинских служилых людей о Селенгинском
остроге и расположенных в Селенгинском уезде мунгалском монастыре,
Удинском остроге и других поселениях

1679 г.

№ 294 ¹

| л. 317 об. | 187^г августа въ 14^{ле} въ Енисеиску в прика'но' из|бѸ пре^л
бояриномѸ j воеводою кнѸзе^м Яваном^м Петро-|виче^м Борятински^м да пре^л дя-
ком^м Васи^{че}м^м Телицыны^м | селенгинские служилые люди деся'ники казачьи
Ми^шка < л. 318 > Колесаре^в Андрюшка АндрѸевѸ Любимко Ѳе^додоров |
Јвашко АникиевѸ Васка БурлакѸ рядовые ка-|зачи Јвашко ОѲона^еевѸ
ОѲонка ЕлисѸе^в Кири^ико | ЛарионовѸ допрашиваны а в допросе сказали
Селе^нги^н-|ско^у де острогѸ построень по кра' Селенги реки на-| Усть Чикоя
реки в угроже^м мѸсте в стрѸ^л-|кѸ а с ни^жнюю де сторону о' Чикоя реки
Камень | а подлѸ Селенгу реку боровые лѸсные мѸста и луги | а проти^в
селенги^нского де острогу за Селенго' реко' | подошли степные мѸста чи-
стые а остро^г де | Селенгинско' построень с выводы и з бо'ницами | да по
острогу на угла^х построены четыре башни да- | пятая башня построена о'т
степи о тре^х бояхѸ | вмѸсто роскату и по^л четырьми де башнями | постро-
ены жилые и^збы а на пято' башне по-|строена карау^нная и^зба да в остро-
ге^ж на проѸ^жи^х | воротах к Селенге рекѸ построена часовня а остро^г
де | покрытѸ тесомѸ и для приступного времени | подѸланы по острогу
полати и на^л острожной | кровле' подѸланы катки и на угла^х у острогу

по-|ставлены слоны а в остро^жно' де стѣнѣ два бо^а | нижно' да верхне' а около де острогу поставле^н чесно^к | двоино' а за чеснокомъ надоб^ы двоинные с на-| метами да за острогомъ цѣрк^вь во имя Сїса | Нерукотворенного образа а около де то' цѣрк^ви | поставленъ чесно^к де и надолобы так же какъ | и около острогу да за острогомъ ^{же} по обѣ^х стороны <л. 318 об.> построены двѣ^х слободы а в ни^х сорокъ дворо^в казачи^х | а о^т острогу де тѣ^х слободы строены по десяти саже^н | а около де тѣ^х слободъ подѣ^ланы надолобы дво⁻ | ные с наметами а пашенны^х де земе^н блиско | острогу нѣ^ктъ да против Селенгинского * де остро-|гу за Селенго' реко' к Ба^ккаловскому каменю ꙗ^ка^т | чере^з степь неясачными му^нгалцы день и ту^т де | есть два о^зера болши^х в одномъ де о^зерѣ^х | когда бываетъ лѣ^томъ время вѣ^ряное и то-|гда де в томъ о^зере садитца соль самоса^ка | а когда де бывають до^жди и тогда де соль не са-|дитца а другое де озеро рыболовное да о^т Селе^нги^нско-|го * де острогу на которо' стороне стоитъ | Селенгинско' острогъ ꙗ^кѣ^ду десять дне' степью | конми на Орконѣ^х рекѣ^х в степи стои^т му^нга^нско' | мнѣ^трь каменно' а кругомъ де того мнѣ^тря валъ | земляно' а в длину де того каменного мнѣ^тря | в одну сторону стѣ^нна каменная мѣ^трою ше^з | десять сажень а около де того мнѣ^тря земли | пахотные и мунга^нцы де хлѣ^б пашутъ ячме^н пше-|ницу просо горохъ да в то^м же де мнѣ^тре мечать | каменная * а в валу за мнѣ^тре^м другая мечать | каменная а живу^т де в то^м мнѣ^тре кутух^ы | Таркана Тоноевы дѣ^ти та'ши а му^нга^нски^х де | всяки^х люде' живе^т в томъ мнѣ^тре члѣ^вкъ с триста | и бо'ши а около де того мнѣ^тря живу^т многие му^н-|галские та'ши и о^т того де мнѣ^тря е^ду то^ко <л.319> два дни степью и ту^т де живеть мунга^нско^н Очиро' | Сайнь ханъ со многими мунгалскими людьми да о^т Селе^н-|ги^нского * де, острогу ꙗ^кѣ^ду степью семь дне' по Толѣ^х | рекѣ^х стои^т мунга^нско' же мнѣ^трь а в том де мнѣ^тре живеть бо'шо' кутухта а около де того мнѣ^тря | пашенны^х земель много * и хлѣ^б по тому * роди^тца | всяко' а подлинно' де про тотъ мнѣ^трь ꙗ^ко в не^м | стро-^еня они Мишка Колесаревъ с товарищи | сказа^ть не умѣ^ютъ потому что де они блиско | того мнѣ^тря не бывали да о^т Селенгинского * де острогу | ꙗ^кѣ^ду коне^м два дни вни^з по Селенге рѣ^ке поста-|вленъ Удинско' острогъ на усть Уды реки по кра' | степи на каменю в крепко^м месте в стрелке к Селенгѣ^х и к Удѣ^х рекамъ а за острогомъ де всяки^х жиле^ци^х шесть дворо^в а пашенны^х земе^н блиско | того Удинского острогу нѣ^ктъ да о^т того де Уди^н-ского | острогу вни^з же : поставлены три двора служилы^х 2 люде' Лвашка Ма^жимова Васки Бур^нака Ѡетки | Шадры а поставлены де тѣ^х дворы на пашенны^х | земляхъ и на лугахъ по^ле камень и по^ле Селе^нгу | реку в уго-^жемъ мѣ^сте да ниже де тѣ^х дворовъ | верстъ с пять к Ба^ккалу по Селенге * рекѣ^х вни^з | построена И^нинская слобода а в то' де слободе | семь дворовъ служилых люде' сына боярского Гаврила | Ловцова да казаковъ Любимка

Федорова Јвашка | Васи^ева Јвашка Дубинина Јвашка Сургуцкого | Сергушки Јванова Петрушки Никитина Ми^тки < л. 319 об. > Андр^ева да в то^е же де И^нинской слобод^т три двора па-| шенны^х крестьян^а а около де то^е И^нинско^е слободы | построены надолобы двои^нные с наметами а стои^т де | та слобода по^лт^к Селенгу реку на пашенны^х земля^х | и на лугах^х подл^тк камень в угожем^е месте да проти^а де | то^е И^нинско^е слободы за Селенго реко^е два двора па-| шенны^х крестьян^а да о^т то^е де И^нинско^е слободы вни^з же | по Селенге рек^т к Ба^калу версты с четыре стоять | пустыня и в то^е де пустыне ц^рков^ь во ймя Нико-| лы Чюдотворца а около де то^е ц^ркви ограда | для | приступного времени построены в ограде бо^ницы | а стои^т де та пустыня в кр^кпко^м м^ксте меж^ь | р^кчкою и ру^ем в стрелке а за оградю де поставлены | два двора пашенны^х да двор^ь посацко^а а стоят^ь | т^к дворы и пустыня на пашенны^х земля^х да о^т то^е | пустыни вни^з же по Селенге рек^т верст^ь с п^яна-| тцать на^а озером^ь и над Селенго^е реко^е стои^т двор^ь | пашенного крестьянина а в то^м де о^зере промы-| шляють рыбу а стои^т де то^т двор^ь в угоже^м м^к-| сте на пашенны^х земля^х и на луга^х подл^тк каме^н | да проти^а де того двора за Селенго^е реко^е двор ка^зака | Мок^тка Федорова стои^т по кра^е Селенги реки | на пашенно^е же земл^тк подл^тк камень да о^т т^к де | дворов^ь вни^з же по Селенге рек^т верст^ь с п^яна^аца^т | на усть Кабан^ь речки по кра^е Селенги р^кки | поставлены четыре двора и^з них^ь два двора слу-| жилы^х люде^е Сенки Брянскова Јвашка Яко^елева | да два двора служи-| лых^х люде^е пашенны^х а стоя^т < л. 320 > т^к дворы на пашенны^х земля^х и на луга^х в угожи^х | м^кстех^ь подл^тк камень а во все^м де Селенгинском^ь | у^т де мочно поселить вновь на пашни пашенны^х | крестьян^ь чл^вк^ь с тритцать и бо^нши в ро^нны^х | м^кстех^ь а рыбные де ловли по^а Селенгински^м острог^м | и к Ба^калу морю во все^м Селенгинском^ь у^т де в Се-| ленге и в Чикюю река^х | в ыны^х сторонны^х во многи^х | речка^х и в дални^х де м^кстех^ь в Селенгинско^м де у^т де | пашенные земли есть ли того де они Ми-| шка с товарищи не в^ьдають потому что ^{ле} | боя^тца они мунгалски^х воински^х люде^е в да^нние | м^кста ^тз^дить не см^ьють а которые де ино-| земцы брацкие вы^тз^жие люди и тунгусы пла-| тять великого г^дря ясак в Селенгинско^е острог^ь | и они де живут на усть Селенги реки по об^т | стороны у Баи^акала моря а не-| ясачные де инозе^мцы | му^ггалцы кочюють проти^а Селенгинского острогу | за Селенго^е реко^е блиско берегу | вни^з по Селе^нге реке по об^т стороны до Удинского острогу ||

¹ Другим почерком и более бледными чернилами.

² на поле под знаком °° тем же, но более мелким почерком записано: по Селенге | реке д^тнь | ^тз^ду коне^м же.

³ служилых люде^е зачеркнуто в тексте.

[СПбФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 23, л. 317—320 об.].

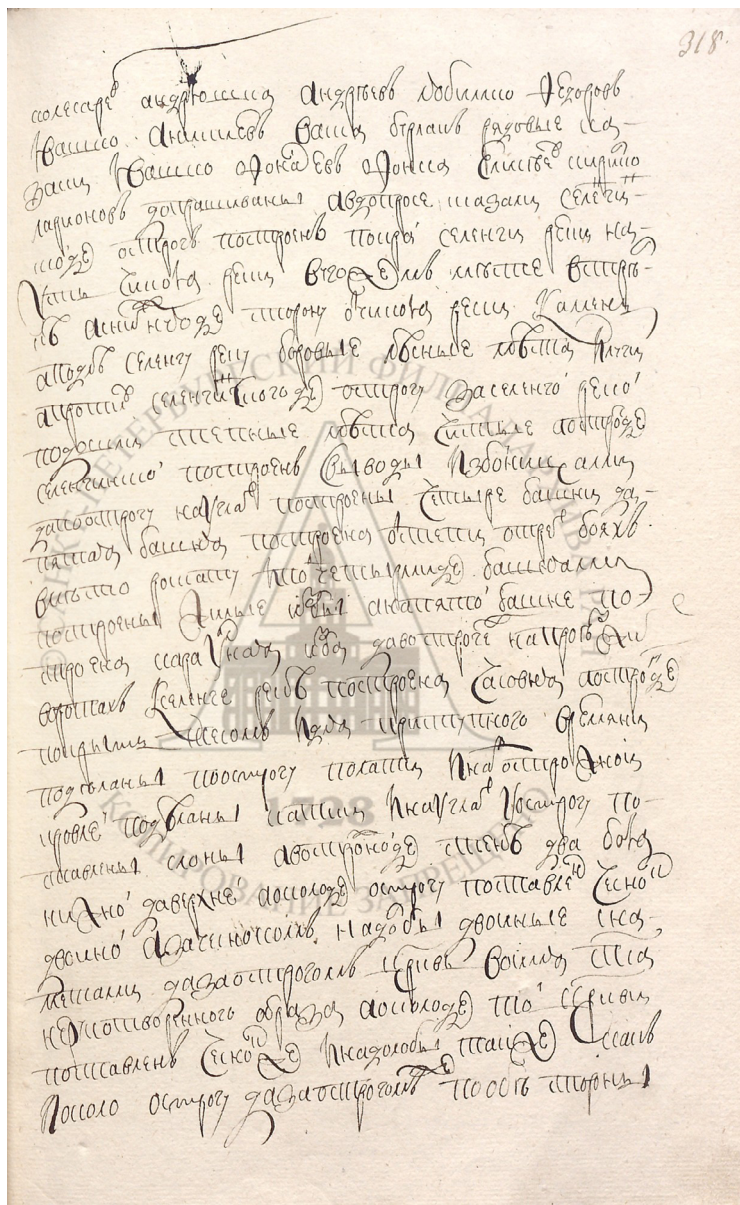

Рис. 2. Допросные речи селенгинских служилых людей
[СПбФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 23, л. 249—251]

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Палеографическое описание документов.

Копии деловых текстов XVII века записаны разными писцами, не в столбцах, а на листах, которые сшиты в книгу. Все документы пронумерованы, иногда последовательность нумерации нарушается (например, после № 221 идет № 225), и такой формат собрания пронумерованных документов в книги в семнадцатом столетии не был принят.

Документы переписаны по известным графико-орфографическим правилам XVIII века: служебные слова со знаменательными пишутся слитно, в остальных случаях между языковыми единицами оставляются пробелы. Почерк как одного, так и другого писца отличается упрощенной округлостью начертаний букв, отсутствием декоративных взмахов пера и криволинейных несимметричных элементов, слабым использованием выносных букв и небуквенных надстрочных знаков, определенным минимумом сокращенных написаний под титлом. Данный почерк (гражданская скоропись, по А. Г. Шицгалу) очень похож на киевскую скоропись, оказавшую большое влияние на московское скорописное письмо, и, скорее всего, представляет собой дальнейшее ее развитие. Видимо, общим правилом письма XVIII века была замена буквенного обозначения даты и года цифровым способом, что в копиях также представлено.

В скорописном письме памятников письменности Забайкалья наблюдается многообразие форм букв, рисунков и начертаний графем. Ю. В. Биктимирова, анализируя памятники Забайкалья конца XVII — первой половины XVIII веков, делает вывод, что палеографические особенности документов «совпадают с палеографическими особенностями памятников других сибирских регионов того времени. Графика документов делопроизводства Нерчинского воеводства и острогов Восточного Забайкалья отличается многообразием начертаний одних и тех же букв, связным написанием букв в слове, выносом концов букв над строкой, сокращением слов, сохранением традиционных для полуустава диакритических знаков» [Биктимирова, 2015, с. 12]. Известный исследователь региональных памятников Г. А. Христосенко отмечает: «... особенно много вариантов одних и тех же букв наблюдается в первой половине XVIII века» [Христосенко, 1973, с. 8]. Это, по мнению ученого, объясняется разными временными рамками, а также выучкой копиистов, которые в рамках даже одного документа, созданного одним писцом, стараются передать два-три варианта графем.

Обращают на себя внимание отдельные графические правила, присущие скорописи XVIII века и получившие отражение в почерке анализируемых копий. Правила нельзя назвать строгими, поскольку соблюдаются они непоследовательно. Либо они находятся в стадии формирования (как,

например, постановка знака переноса), либо наследуют традиционную вариативность правописания, присущую орфографии делового письма XVII века, и писцы транслируют ее при копировании механически. Эти правила касаются надстрочных знаков и некоторых буквенных, небуквенных знаков в строке, графических дублетов и функциональных эквивалентов графических знаков, сокращенных написаний. Применение данных правил могут нарушать индивидуальные правописные навыки обоих писцов, релевантные в лингвистическом анализе не выбором начертаний той или иной графемы из их многообразия, а выполнением буквой определенной функции. Такие индивидуальные черты в ходе рассмотрения правил в перечисленном порядке будут оговариваться отдельно.

3.2. Особенности графики документов

Надстрочные знаки. В исследуемых копиях сибирских документов употребляется один тип надстрочных знаков — выносные буквы; надстрочная диакритика представлена двумя исключительными случаями, которые будут разобраны ниже. В исследованиях по истории выносных букв в XVIII веке выражаются неоднозначные мнения — от точки зрения о сохранении традиции их употребления в скорописном письме восемнадцатого столетия до мнения о полном отказе от их использования к середине XVIII века [Розен, 2015, с. 188—189]. Изучение копий сибирских документов, думается, уточняет представление о судьбе этих надстрочных знаков. Если ориентироваться на верхнюю временную границу, определяемую сороковыми годами XVIII века, — время завершения экспедиции Миллера, то уже в деловом письме этого периода выносные буквы были крайне мало употребительны. Это прослеживается в тексте (1), в тексте (2) выносные буквы встречаются чаще, однако в обоих случаях они используются значительно реже, чем в подлинных памятниках деловой письменности XVII века. Можно отметить некоторые предпочтения того и другого писца в выносе определенных букв в определенной позиции над строкой. Чаще всего выносятся буквы в конце слова, а из них регулярно выносу подлежат графемы, обозначающие [j], (в примерах вместо разнообразных начертаний этой графемы условно используем наиболее часто встречающийся паерок): *на острожно*’ (л. 249 об.), *на то*’ (л. 250), *бошо*’ (л. 318 об.), *кото*’ (л. 318 об.), *по кра*’ (л. 319), *Очиро*’ (л. 319) и др. Исключение составляют слова, часто употребляющиеся в формулах делового письма, и *потіпа сасга*. Писец текста (1) употребляет в этом случае буквы «і» и «ј» в строке: например, *милосер’д’ный г’дрь царь ј великій князь* (л. 250) — в формуле просьбы, *црю г’дрю ј великом’ князю* (л. 249) — в формуле обращения, *нер’котворенный образъ гос’пода бога* (л. 250) — в названии иконы.

И тот, и другой писец традиционно применяют вынос первой буквы в буквосочетаниях внутри слова, а также в синтагме элементов фонетического слова (обозначено нижней дужкой): *мунга^аско^а*, *боя^аца*, *че^атежъ*, *ро^аваль*, *слѣ^ажи^аби^ако*, и *з^адетми*, *на^агор^аницею*, да *о^аСеле^агу^аского^а* *де острогу* и др. В обоих копиях изредка выносятся согласная буква перед гласным с необозначенным [j]: *з^ажи^аемъ* (л. 250), *ру^аемъ* (л. 319 об.). К написанию отдельных слов это правило применяется более регулярно, например, формы слова *ильинский* в составном наименовании *Ильинская слобода* записываются так: *И^аинская слобода* (л. 319), в ... *И^аинско^а слобод^а* (л. 319 об.), *около... И^аинско^а слободы* (л. 319 об.) и др.

Из индивидуальных особенностей почерков писцов необходимо отметить следующее. Спорадическое употребление писцом текста (1) выносных букв связано с тем, что он устанавливает своеобразное графическое правило: вместо выноса над строкой первой буквы в сочетании согласных (*ст*, *тв*, *мн*, *ин*, *рг*, *гл* и др.) он использует графический знак, варьирующийся в виде запятой, косой и вертикальной черточки, точки, ч-образного знака и других форм. Все они располагаются в основном непосредственно над буквой, обычно выносимой над строкой (примеры см. на рис. 1). Данный знак, вероятно, выполняет функцию паерка, однако в ряде случаев он не может указывать на употребление после соответствующего согласного этимологического редуцированного: *милос^атью*, *п^араво^а*, *сен^атя^аря*, *ар^ашиномъ*, *ан^абаръ*. Этот же принцип употребления паерка, тождественного выносу первой буквы в сочетании практически любых согласных, известен в смоленских документах XVII века [Сморгунова, 1966, с. 188—189], но сибирским деловым текстам данного периода такое явление незнакомо.

Надстрочная диакритика в копиях представлена двумя специфическими явлениями. Первое — это точка над буквой «и». Сложность толкования значения этого знака заключается в том, что «и» с точкой может соотноситься с разными звуками — с [и] под ударением и безударным гласным [и], с [j] в конце слова и с [j] в середине слова с заменой при обозначении вариаций этого звука другими буквенными знаками. Так, в тексте (1) встречаем следующие примеры варьирования: *з женами^а и з детми^а*, *во и^амя*, *на острожной^а — острожно^а*, в тексте (2) — *Сайнъ ханъ*, *двойные — двоине* — *дво^аные*, *Байкала — к Ба^акалу*.

Другой случай — знак спиритуса, хорошо известный в письменной традиции приказного узуса, необъяснимым образом ставится над союзом «и» только в тексте (1) три раза: *и^а к^ар^аго^а | башень* (л. 250), *и^а д^аля очищенья* (л. 250), *и^а по твоём^а... указу* (л. 250 об.). Подавляющее большинство примеров употребления данного союза в обоих копиях — без каких-либо надстрочных знаков. Исследователь исторической акцентологии

И. А. Корнилаева объясняет «сбои» подобного рода в Петровскую эпоху «следствием экспериментов с надстрочными знаками в годы реформ печати 2-й половины XVII в. и начала XVIII в.» [Корнилаева, 2003, с. 398].

Буква Ъ и знак переноса. Теоретическое осмысление знака, который объединял бы две части разделяемого при переносе слова, представлено уже с конца XVI — середины XVII века под терминологическими наименованиями «соединительная» у Л. Зизания, «единитная» у М. Смотрицкого [Иванов, 2023, с. 36—37]. На практике же при составлении деловых текстов этого периода знак переноса не применялся. Только в скорописных текстах XVIII века начинают активно употребляться пограничные сигналы конца строки и знаки переноса части слова на новую строку в форме дефиса. Из анализируемых копий полноценно данный знак в функции переноса части слова используется в тексте (2): с *на-метками* (л. 318), *дво'-ные* (л. 318 об.), *пше-нищу* (л. 318 об.), *му"-галские* (л. 318 об.), *селе"-гинского* (л. 319) и т. д.

В функции указания конца строки и разделения слова на части для переноса на новую строку в тексте (1) употребляются редуцированные буквы «ъ» и «ь»: в *прошъ|лом* (л. 249 об.), *крестъ|ань* (л. 249 об.), *осъ|трожсина* (л. 249 об.). Как правило, если в первой половине строки используется форма слова, оканчивающаяся на согласный, то после него пишется «ъ». Если же такая словоформа встречается во второй половине строки, то обычно согласная в конце слова выносится над строкой. В примерах конец строки обозначен прямой вертикальной линией, а словоформы с выносными буквами и с ером в конце слова выделены жирным шрифтом: *а остро^е де | селенгинско 'построень с выводы и з бойницами; ... на 'проезжи* | во-ротахъ* к Селенге реке построена часовня *а остро^е де | покрыть тесомъ и для приступного времени|* (л. 318); ... по десяти *саже"* | *а около де т'ѣхъ слободъ под'ѣланы надолобы дво'-|ные* (л. 318 об.); *а поставлены де т'ѣ дворы на пашенны* | земляхъ и на лугахъ по'ле камень и по'ле Селе"гу | реку в угожемъ м'ѣсте* (л. 319).

Буквы -дублеты. Отмечая употребление в анализируемых копиях невероятно богатого комплекса графических знаков, варьирующихся в начертании, и разных знаков, выполняющих одну и ту же функцию, считаем актуальным, вслед за В. С. Голышенко, разграничивать понятия графических дублетов — вариаций рукописных начертаний одного и того же знака — и функциональных эквивалентов — знаков равноценных и вполне заменяющих другие по функции [Голышенко, 2002, с. 52—53]. Впрочем, разграничение это проводится с условием сохранения термина *буквы-дублеты* (или *дублетные буквы*) в качестве названия родового понятия для упомянутых выше двух разновидностей.

В текстах (1) и (2) употребляются функциональные эквиваленты, типичные для скорописного делового письма донационального периода: *з* — *з*, *у* — *у*, *о* — *о*, *я* — *я*, *и* — *и*, а с XVII века в сибирских документах *е* — *ѣ*. Графические дублеты некоторых из этих букв будут рассмотрены ниже.

В копиях документов можно выделить две категории функциональных эквивалентов:

— буквы, которые заменяют друг друга совершенно произвольно, независимо от позиции в слове или каких-либо коммуникативных установок писца. Это *з* — *з*, *у* — *у*, *е* — *ѣ*;

— буквы, употребление которых маркируется определенной графической позицией в слове или закрепляется традицией в определенных группах слов, отдельных лексемах. Это *о* — *о*, *я* — *я*, *и* — *и*.

Примеры употребления функциональных эквивалентов первой категории многочисленны (см. рис. 1, 2). У букв второй категории маркированное использование присуще графемам *о*, *я*, *и*. Так, в текстах обеих копий букву *о* писцы предпочитают употреблять в начале слова: *о*зере (л. 319 об.), *оѣ* (л. 320), *оѣ*крежи (л. 249 об.), *о*сми (л. 250), а в тексте (1) она употребляется в последнем слоге у трех словоформ — *твоего* (л. 249 об.), *бѣ*рманск*о* (л. 249 об.) и *шл**о* (л. 250 об.). Буква *я* занимает прямо противоположные позиции в словах текстов (1) и (2): в тексте (1) — в начале слова: *я*сачного (л. 249 об.), *я*ковлевъ (л. 249 об.) и неоднократно в личном местоимении 1-го лица (*я* холопъ тво́ — 5 раз), а в тексте (2) — в конце слова: *Чикол*а — 2 р. (л. 318), *бол*а (л. 318), *ѣ*др*я* (л. 320), *мор*я (л. 320). Наконец, буква *и*, обозначающая гласный [и], употребляется в формулах-наименованиях должностей Московской Руси: *столникъ и* воевода (л. 249 об.), *пре*³ бояриномъ *и* воеводою (л. 317 об.), в именах собственных *Явашкою* (л. 319), *Яванова* (л. 319) и спорадически в написании союза «и»: *и* вниз (л. 320), *и* для (л. 319 об.), *и* в *ыны* (л. 320). В случае употребления букв *о* в начале слова и *и* у имен собственных прослеживается стремление переписчиков следовать сложившейся письменной традиции в деловом узусе.

Что касается графических дублетов, то они отмечаются в начертаниях:

— буквы *я*, имеющей графический вариант, который всегда выступает только в связном (лигатурном) написании (см. на рис. 2 запись слов *пятая*, *баиня*, *часовня*);

— буквы *и*, обозначающей полугласный [и]. Ее графическими дублетами являются:

(а) надстрочный знак в виде ч-образной выносной графемы «и»;

(б) знак в форме паерка.

Кроме того, у данного знака есть функциональный эквивалент — графема «и» в строке, также выступающая в виде двух графических дубле-

тов («и» в строке с точкой над ней и «и» в строке без точки). На рис. 2 примерами употребления являются написания прилагательных *двоиные* и *острожной*.

Таким образом, в отличие от функционирования букв-дублетов в подлинных памятниках деловой письменности XVII века, в их копиях, составленных в восемнадцатом столетии, обнаруживаются некоторая дифференциация употребления функциональных эквивалентов и большее разнообразие графического варьирования букв, в основном связанного с использованием надстрочных знаков.

Сокращенные написания. Определенный отход от узуальных норм делового письма наблюдается в необычном раскрытии титула у слов *potina sacra* в тексте (1): *божиею* (л. 249 об.), *господа бога* (л. 250), *спаса, богородицы* (л. 250) — и в формуле титулования у слов *царь* и *князь*. При этом словоформы *Хрста*, *ѣдрь* (л. 250) пишутся под титулом. В тексте (2) традиция сокращенных написаний под титулом (в том числе у слов *potina sacra*) соблюдается последовательнее: *кнземь* (л. 317 об.), *члвкъ* (лл. 318 об., 320), *црковь* (л. 319 об.), *цркви* (л. 318), *мнстрь* в разных формах (л. 318 об. – 14 р.), *снса* (л. 318).

3.3. Фонетический принцип правописания и варианты записи слов

Оба писца воспроизводят в копиях фонетический принцип орфографии приказного узуса. Подчеркнем, что в приказном письме XV—XVII веков повсеместные и регулярные фонетические написания из фактов отражения фонетических явлений становятся орфографической нормой в силу формирующейся традиции их фонетической записи на протяжении длительного времени. В исследуемых деловых текстах это написания:

— предлогов и приставок на *з/с*: *з'борѣ* (л. 249), *з женами* (л. 249 об.), *з житьемъ* (л. 250) и др.;

— графемы *ы* в начале слов на «и» после предлога на твердый согласный: *в ыркѣ'комъ* (л. 250 об.), *с ып'куц'киѣ* (л. 250 об.) *в ыныѣ* (л. 320);

— буквосочетания *ти* у глагольных форм на *-ться*, *-тсѣ*: *в'мѣститица* (л. 250 об.), *сидитица* (л. 318 об.) и др.

Переписчики, вероятнее всего, по указанию Г. Ф. Миллера, требовавшего буквального воспроизведения текстов первоисточников, точно передают вариантные записи слов, отражающие произносительные особенности писцов предыдущего столетия. Здесь уже стоит говорить об отражении таких фонетических черт, как дистантная ассимиляция: *чертежь* (л. 250 об.) — *тертежь* (л. 250 об.), второе полногласие: *надолбы* (л. 318) — *надолобы* (л. 318), переход «г» > «в» в окончаниях форм адъективного склонения муж. и ср. р. ед. ч. род. п.: *твоего* (л. 249 об.) — *моево*

(л. 250 об.), диереза первого гласного в предлоге «около»: *коло* (л. 250 об.). Впрочем, последний пример может относиться к описке переписчика, равно как написание *в суде* вм. *в ссуде* (л. 250 об.), — к ошибке, сделанной, несмотря на явную вычитку текстов, судя по следам правки — зачеркивания слов (л. 319 об.), вставки слова над строкой (л. 250), добавления текста на поле листа (л. 319).

Тем не менее применяемые графические правила скорописного письма XVIII века могли обусловить отклонение от точного воспроизведения текстов подлинных документов XVII века. Так, слово *подлинно* во фразе *а подлинно' де про тотъ мѣтръ они Мишка Колесаревъ с товарищи | сказатъ не умѣють* (л. 319) записано с надстрочным знаком, который обозначает [j], и читается, соответственно, как прилагательное, в то время как по смыслу слово должно быть явно наречием. Судя по регулярности использования такого знака в данной позиции (см. в тексте написание прилагательных *приказной, селенгинской, мунгалской, большой, удинской* и др.), это результат «творческого» подхода переписчика XVIII века. В связи с тем, что все-таки не исключается вмешательство переписчика (возможно, неосознанное), вызывает сомнение адекватность написания словоформ *вразнь* (л. 250 об.) и *разных* (л. 249 об.) при употреблении в текстах деловой письменности XVII века исключительно форм на *роз-* (формы на *раз-* встречаем только в книжно-славянских произведениях этого периода). В XVIII веке обособление делового узуса было разрушено, и вторжение книжно-славянских явлений в язык деловых текстов уже не воспринималось как аномальное. При употреблении в обоих текстах слов на *роз-/рос-* (*розвал, розвалиться, роскат, розвытка*) и даже в тексте (2) формы того же прилагательного *розных*, когда переписчики старались передать подлинники XVII века слово в слово, исключения *разных* и *вразнь* лишь подтверждают неосознанную трансляцию нормы употребления этих слов в XVIII веке.

4. Заключение = Conclusions

Проведенный палеографический анализ копий сибирских документов XVII века выявил, что переписывание оригинальных текстов производилось по графико-орфографическим правилам русской скорописи XVIII века. Следование этим правилам, с одной стороны, обусловило сокращение выносных букв, выполнявших ранее функции пограничных сигналов конца или начала слова при отсутствии пробела между словами в скорописном деловом тексте XV—XVII веков, с другой стороны, вызвало применение надстрочных знаков с разнообразными функциями. Новшеством графико-орфографического оформления текстов XVIII века стало употребление знака переноса в форме дефиса (в одной из копий до-

кументов семнадцатого столетия он активно используется). При копировании писцы регулярно заменяют буквенное обозначение дат цифровым способом.

Нововведения не мешают переписчикам сохранять определенные элементы письменной традиции приказного узуса. Это касается употребления дублетных букв и некоторых сокращенных написаний.

Писцы строго соблюдают орфографические нормы делового письма XVII века. Точно передаются написания, подчиняющиеся фонетическому принципу правописания, который выработался в приказном узусе на протяжении двух столетий. Кроме того, переписчиками адекватно воспроизводятся индивидуальные черты письма писцов XVII века — варианты написания слов, отражающие их произносительные особенности, сохранение в написании сделанных ими грамматических ошибок.

Вместе с тем не исключается искажение текста оригинала в результате применения графических правил восемнадцатого столетия, а также неосознанной реализации своих представлений о языковой норме.

Заявленный вклад авторов: А. П. Майоров — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; история вопроса; написание текста; итоговые выводы. Ю. В. Биктимирова — участие в расшифровке скорописных текстов, подготовка рукописных текстов XVIII века к публикации средствами современных технологий; анализ скорописи, доработка текста. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: Alexander P. Mayorov — scientific guidance; research concept; development of methodology; history of the issue; text composition; final conclusions. Yulia V. Biktimirova — participation in the transcription of shorthand texts, preparation of 18th-century manuscripts for publication using modern technologies; analysis of shorthand, text refinement. The authors declare no conflicts of interests.
--	---

Источники и принятые сокращения

1. СПбФ АРАН — *Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук.*

Литература

1. *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири / А. И. Андреев. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965. Выпуск 2 : XVIII век (первая половина). — 366 с.

2. *Бахрушин С. В.* Миллер как историк Сибири / С. В. Бахрушин // Г. Ф. Миллер. История Сибири. Изд. 2-е, доп. — Москва : Восточная литература. РАН, 1999. — Т. 1. — С. 17—65.

3. *Биктимирова Ю. В.* Забайкальские документы XVII в. как лингвистический источник : графико-орфографические особенности / Ю. В. Биктимирова, А. П. Майоров // Вестник БГУ. Филология. — 2024. — Выпуск 3. — С. 14—24. — DOI: 10.18101/2686-7095-2024-3-14-24.

4. Биктимирова Ю. В. Особенности палеографии и графики памятников делового письма Восточного Забайкалья XVII—XVIII вв. / Ю. В. Биктимирова // Учёные записки ЗабГУ. — Серия : Филология, история, востоковедение. — 2015. — № 2 (61). — С. 12—17.
5. Гольишенко В. С. Надстрочные знаки в ранних восточнославянских рукописях / В. С. Гольишенко // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2001 : сборник статей. — Москва : Древлехранилище, 2002. — С. 47—70. — ISBN 5-93646-014-2.
6. Иванов А. В. Многоликий дефис / А. В. Иванов // Язык и культура. — 2023. — № 62. — С. 26—53. — DOI: 10.17223/19996195/62/2.
7. Корнилаева И. А. Надстрочные знаки в рукописных Вестях-Курантах / И. А. Корнилаева // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2002—2003 / Сб. статей. — Москва : Древлехранилище, 2003. — С. 389—398.
8. Котков С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка / С. И. Котков. — Москва : Наука, 1980. — 296 с.
9. Майоров А. П. Историко-дифференциальный принцип регионального словаря 17 в. / А. П. Майоров // Вестник БГУ. Филология. — 2021. — № 3. — С. 29—37. — DOI: 10.18101/2686-7095-2021-3-29-37.
10. Нечаева С. В. Вклад Г. Ф. Миллера в изучение Азиатской России: источниковедческий и историографический аспекты / С. В. Нечаева // Вестник Челябинского университета. — Серия 10 : Востоковедение. Евразийство. Геополитика. — 2003. — № 1. — С. 130—139.
11. Оглоблин Н. Н. К вопросу об историографе Г. Ф. Миллере / Н. Н. Оглоблин // Библиограф. — 1889. — № 8—9. — С. 161—166.
12. Розен Т. Отмирание надстрочных знаков (на материале дипломатической корреспонденции XVIII) / Т. Розен // Книгамъ бо есть неистятная глубина / Essays in Honour of Irina Lysén (Eds. Hanne Martine Eckhoff & Thomas Rosén). Арктический университет Норвегии (Университет Тромсё). — Уппсала : Уппсальский университет, 2015. — С. 184—197.
13. Сморгунова Е. М. О пограничных сигналах в скорописи (наблюдения над графикой смоленских грамот XVII в.) / Е. М. Сморгунова // Исследования источников по истории русского языка и письменности. — Москва : Наука, 1966. — С. 176—190.
14. Христосенко Г. А. Палеографический альбом : Учеб. сборник снимков с рукописей нерчинских документов делового письма конца XVII — первой половины XVIII вв. / Г. А. Христосенко. — Чита : [б. и.], 1973. — 112 с.
15. Элерт А. Х. Путешествие по северо-востоку Сибири как переломный этап в экспедиционной деятельности Г. Ф. Миллера / А. Х. Элерт // Гуманитарные науки в Сибири. — 2012. — № 4. — С. 44—47.

Статья поступила в редакцию 22.10.2024,
одобрена после рецензирования 03.02.2025,
подготовлена к публикации 04.03.2025.

Material resources

SPbF ARAN — *Is the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences.* (In Russ.).

References

- Andreev, A. I. (1965). *Essays on the source studies of Siberia*, 2. Moscow; Leningrad: Nauka Publ. 366 p. (In Russ.).
- Bakhrushin, S. V. (1999). Miller as a historian of Siberia. In: *G. F. Miller. History of Siberia*, 1. Moscow: "Oriental literature". RAS. 17—65. (In Russ.).
- Biktimirova, Yu. V. (2015). Features of paleography and graphics of business writing monuments of Eastern Transbaikalia of the XVII—XVIII centuries. *Scientific notes of ZabGU. Series: Philology, History, Oriental Studies*, 2 (61): 17—65. (In Russ.).
- Biktimirova, Yu. V., Mayorov, A. P. (2024). Trans-Baikal documents of the XVII century as a linguistic source: graphic and spelling features. *Bulletin of the Belarusian State University. Philology*, 3: 14—24. DOI: 10.18101/2686-7095-2024-3-14-24. (In Russ.).
- Elert, A. H. (2012). Journey through the northeast of Siberia as a turning point in the expeditionary activity of G. F. Miller. *Humanities in Siberia*, 4: 44—47. (In Russ.).
- Golyshenko, V. S. (2002). Superscription marks in early East Slavic manuscripts. In: *Linguistic source studies and the history of the Russian language 2001*. Moscow: Drevlekhranizhche Publ. 47—70. ISBN 5-93646-014-2. (In Russ.).
- Hristosenko, G. A. (1973). *Paleographic album: A textbook collection of photographs from the manuscripts of Nerchinsk business letter documents of the late 17th — first half of the 18th centuries*. Chita: [b. i.]. 112 p. (In Russ.).
- Ivanov, A. V. (2023). The many-faced hyphen. *Language and culture*, 62: 26—53. DOI: 10.17223/19996195/62/2. (In Russ.).
- Kornilaeva, I. A. (2003). Superscription marks in handwritten News-Chimes. In: *Linguistic source studies and the history of the Russian language 2002—2003*. Moscow: Drevlekhranizhche Publ. 389—398. (In Russ.).
- Kotkov, S. I. (1980). *Linguistic source studies and the history of the Russian language*. Moscow: Nauka Publ. 296 p. (In Russ.).
- Mayorov, A. P. (2021). The historical and differential principle of the 17th century regional dictionary. *Bulletin of the Belarusian State University. Philology*, 3: 29—37. DOI: 10.18101/2686-7095-2021-3-29-37. (In Russ.).
- Nechaeva, S. V. (2003). G. F. Miller's contribution to the study of Asian Russia: source studies and historiographical aspects. *Bulletin of the Chelyabinsk University. Series 10: Oriental Studies. Eurasianism. Geopolitics*, 1: 130—139. (In Russ.).
- Ogloblin, N. N. (1889). On the question of the historiographer G. F. Miller. *Bibliographer*, 8—9: 161—166. (In Russ.).
- Rosen, T. (2015). The withering away of superscripts (based on the material of diplomatic correspondence of the XVIII century). In: *Books that have an unknown depth*. Uppsala: Uppsala University. 184—197. (In Russ.).
- Smorgunova, E. M. (1966). On boundary signals in cursive (observations on graphics of the Smolensk letters of the XVII century). In: *Research of sources on the history of the Russian language and writing*. Moscow: Nauka Publ. 176—190. (In Russ.).

*The article was submitted 22.10.2024;
approved after reviewing 03.02.2025;
accepted for publication 04.03.2025.*